

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ПУШКИНУ

ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО, К. Ф. КАЛАЙДОВИЧА,
А. А. КРАЕВСКОГО и В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Публикация В. Ерофеева, Ю. Оксмана и Ф. Приймы

1. К. Ф. КАЛАЙДОВИЧ — ПУШКИНУ

⟨Москва, 3 ноября 1827 г.⟩

М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩
Алекс⟨андр⟩ Сергеев⟨ич⟩!

Извините безвестного любителя отечественной истории, который решился написать несколько строк к поэту, которого [славное имя] талант давно уже приводит в восторг современников, обещая в грядущем неувядаемую славу певцу всеми любимому.

Склонитесь на моление археолога-журналиста и украсьте первую книжку предполагаемого издания Вашим образцовым произведением; а что у Пушкина не образцовое?

Содержание моего журнала, если знать желаете, историческое и литературное. Название: «Русский Зритель», журнал истории, археологии, словесности, критики и.... мод.

Поручая себя благосклонности Вашей, остаюсь всегда с чувством признательности к Вам [восторга], удивления.

К. К.

Москва

3 ноября 1827 г.

Мой адрес: К. Ф. К⟨алайдовичу⟩ в Арх⟨иве⟩ Иностр⟨анной⟩ кол-
⟨легии⟩ в Москве.

На обороте: Александру Сергеевичу Пушкину.

Черновой автограф. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Архив К. Ф. Калайдовича. Беловой текст неизвестен.

Константин Федорович К а л а й д о в и ч (1792—1832) — известный исследователь древнерусской письменности, деятельный член Общества истории и древностей российских и знаменитого Румянцовского кружка, один из основателей русской археологии и палеографии. В 1827 г. Калайдович предпринял попытку издания собственного журнала «Русский зритель». В этом же году он тяжело заболел и руководство «Русским зрителем» (который начал выходить в 1828 г.) взяли на себя друзья и родственники издателя, в том числе почитатель его и ученик — М. П. Погодин.

Участие Пушкина в «Московском вестнике», несомненно, укрепило в Калайдовиче надежду основать собственный журнал по примеру Погодина, «при благословении Пушкина», и могло послужить непосредственной причиной его обращения к поэту. Не исключена возможность, что перед отправлением письма Калайдович заручился соответствующей рекомендацией Погодина. Из письма Пушкина к Погодину, написанного не позднее 17 декабря 1827 г., видно, что письмо Калайдовича было получено

адресатом. Хорошо зная о научных заслугах Калайдовича, Пушкин был все же вынужден ответить ему отказом. «Извините меня перед Калайдовичем, — писал он Погодину, — у меня чисто ничего не осталось после здешней альманашной жатвы, а писать еще некогда» (XIII, 350).

В библиотеке Пушкина сохранились две книги Калайдовича: «Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских» (М., 1821) и «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей» (М., 1825) (Б. Модзалевский. Библиотека Пушкина. — «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1909, №№ 170—171).

Никаких других документов об отношениях Калайдовича с Пушкиным до нас не дошло.

Ф. Прийма

2. П. А. ВЯЗЕМСКИЙ — ПУШКИНУ

⟨Петербург. 10—17 марта 1836 г.⟩

Вот статья Козловского. Он позволяет переправить ее в языке как угодно. Какие же будут требования от цензуры, то нужно его уведомить. — Не худо было бы тебе приложить к ней от себя мадригальное объяснение, особенно и для того, чтобы обратить на нее внимание читателей, которые могли бы испугаться сухого заглавия.

Что письмо Тургенева?

Автограф. ЦГИА. Фонд П. Б. Козловского (№ 955, оп. 1, ед. хр. 9).

Записка не датирована. Написана на клочке простой бумаги без водяных знаков. Адресат ее устанавливается на основании упоминаемых в ней статьи Козловского и письма Тургенева. Авторство Вяземского устанавливается по его характерному почерку.

П. Б. Козловский находился в России со второй половины 1835 г. — до середины 1836 г. и, как известно, сотрудничал в «Современнике» Пушкина. В публикуемой записке речь идет об одной из трех статей Козловского, напечатанных в «Современнике». Две из них редактировались Пушкиным в 1836 г., третья — В. Ф. Одоевским в 1837 г. Однако записка Вяземского не может быть адресована к Одоевскому, потому что редактированная последним статья «О теории паровых машин» была получена им непосредственно от Козловского, о чем свидетельствует письмо автора к Одоевскому от 4 июля 1837 г. (см. стр. 133—134 настоящего тома).

Не может записка Вяземского относиться и к статье Козловского «О теории вероятности», помещенной во II томе «Современника» 1836 г., так как в ней не было острого политического материала, способного вызвать цензурные затруднения. В записке Вяземского говорится, несомненно, о статье Козловского «Разбор Парижского математического ежегодника», напечатанной Пушкиным в «Современнике», 1836, т. I. В этой статье, насыщенной острыми замечаниями политического характера, Козловский выступил сторонником популяризации науки в России не только в привилегированных классах, но и в «нижних» слоях общества. В ней он приветствовал промышленное развитие России и отстаивал самобытность русской науки, указывая на русского ученого Эйлера как на одного из ученых мирового значения. Низкопоклонникам перед иностранной наукой Козловский напоминал также о славянском ученом Гевелиусе, который участвовал в вычислении знаменитой кометы Галлея. Статья была направлена целиком против политики правительства в области науки и давала достаточно поводов для придирок цензуры. Вот почему Вяземский проявляет беспокойство. Он пишет: «Какие же будут требования от цензуры, то нужно его ⟨Козловского⟩ уведомить».

Связь записки Вяземского с названной статьей подтверждается и упоминанием «письма» Тургенева. Действительно, одновременно со статьей Козловского готовилась к печати в первом томе «Современника» и статья А. И. Тургенева под названием «Париж. (Хроника русского)» (ее историю см. на стр. 119, 123, 127—130 настоящего тома).

Характерно, что, боясь «сухого» заглавия статьи Козловского, Вяземский советует своему адресату предпослать ей небольшое вступление («мадригальное объяснение»), «для того, чтобы обратить на нее внимание читателей». Заглавие статьи «Разбор Парижского математического ежегодника» Вяземский называл «сухим» и в письме к И. И. Дмитриеву (от 13 апреля 1836 г.), давая положительный отзыв о статье уже после выхода в свет номера журнала («Русский архив», 1868, № 4-5, стр. 647).

Таким образом, адресатом записки Вяземского является, бесспорно, Пушкин — редактор первого тома «Современника».

Дата написания записки устанавливается с точностью до одной недели — 10—17 марта 1836 г.

7 марта 1836 г. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу в Париж, что «письмо» его «получено исправно, прочтено с благодарностью и с жадным вниманием, отдано переписывать для „Современника“ и скоро будет напечатано» («Остафьевский архив», т. III. СПб., 1899, стр. 305). А около 17 марта (не ранее) Пушкин отвечал Вяземскому явно на публикуемую нами записку: «Ура! Наша взяла. Статья Козловского прошла благополучно; сейчас начинаю ее печатать. Но бедный Тургенев! ... все политические комеражы его остановлены» (XVI, 92).

Найденная записка свидетельствует о том, что статья П. Б. Козловского «Разбор Парижского математического ежегодника» поступила в «Современник» через Вяземского, принимавшего горячее участие в судьбе статьи А. И. Тургенева «Париж» и помогавшего Пушкину в собирании и организации материала для журнала.

В. Ерофеев

3. А. А. КРАЕВСКИЙ и В. Ф. ОДОЕВСКИЙ — ПУШКИНУ

⟨Петербург. Начало августа 1836 г.⟩

Убежденные в том, что существование двух Журналов в одном и то(м) же духе издаваемых может только вредить им обоим, мы предлагаем следующие условия:

1-е. Испросить к 1837-му году * дозволение на издание Современника в 12 книжках.

2-е. Александру Сергеевичу взять на себя выбор статей, суд над книгами по чисто литературной части; нам же все сие вполне предоставить по чисто ученой части.

3-е. Такое разделение не снимает с нас обязанности участвовать и в литературной части Современника доставлениями в оную ** повестей и разборов литературных *** книг, но в сем случае принятие или непринятие даже наших собственных статей предоставляем суду Алекс(андра) Сергеевича. Мы желаем быть полными хозяевами лишь в ученой части.

4-е. Набор, печатание, своевременный выход книжек, словом, все хозяйственные хлопоты мы берем на себя — а в конце года составляем в оных отчет ****.

5-е. Александр Сергеевич обязывается в каждый № поместить хотя одну свою статью стихотворную или прозаическую.

6-е. Денежный расчет делается следующим образом: из общей суммы отсчитываются издержки на Типографию, бумагу, выписку Журналов и плату книгопродавцам за комиссию. За сим [издержки] вся остальная сумма делится на 3 ровных части; из коих одна Александру Сергеевичу, две другие нам; на покупку литературных статей [Алек.] употребляет деньги Александр Сергеевич, на покупку ученых — мы.

* к 1837-му году — вписано над строкой.

** Первоначально: в оный

*** литературных — вписано слева на полях.

**** Со слов: а в конце — вписано позднее.

В силу такого распоряжения ни одна из высоких договаривающихся сторон не имеет более права требовать особенного * возмездия за свои статьи в какую бы часть они ни попали.

NB. Таким образом, полагая подписную цену Современника в 50 и полагая на напечатание 240 листов (по 20 в книжке) 15 000 р., и на книгопродавцев 5000 р. при тысяче подписчиков, каждый может получить 10 000 р., при 2000-х подписчиков — по 25 000 р. Учреждение своей книжной лавки, что уже готовится, значительно уменьшит издержку ** на плату книгопродавцам за комиссию.

[С] согласие [м] Александра Сергеевича на сии условия будет иметь следствием деятельное участие нас обоих в Современнике нынешнего года (и по самой сходной цене) — как для составления статей, так и для хозяйственных распоряжений, корректуры и проч. и проч.

Краевский. Одоевский.

⟨Приписано карандашом рукою Краевского:⟩

Если печатать 1200 экз., то,	
полагая по 75 р. за лист =	11 700
переплет	1500
книгопрод.	6000
иностран. журналы	2000
картинки	

21200 ***

[переводы	3000]
	36400

[Если это вычесть из 60 000, останется 23 600].

Автограф. ИРЛИ. (Фонд 244, оп. 17, № 116). Из собрания бумаг Пушкина, изъятых из архива поэта П. В. Анненковым и оказавшихся затем в семье симбирского литератора В. Н. Назарьева; в 1931 г. эта коллекция была приобретена Гос. библиотекой СССР им. В. И. Ленина («Труды Публичной библиотеки им. Ленина», т. III. М., 1934, стр. 11—13). Первая информация о находке неизвестного письма к Пушкину дана была нами в «Лит. наследстве», т. 16-18, 1934, стр. 1136. (См. также «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 234.)

Все письмо писано рукою В. Ф. Одоевского (не исключая и подписи «Краевский») на двух полулистах бумаги обычного канцелярского формата, без водяных знаков. Текст занимает правую половину листа, левая же оставлена свободной, очевидно для замечаний Пушкина. Письмо не датировано, но время его написания определяется довольно точно, ибо угроза противопоставить Пушкину новый журнал в случае несогласия поэта на коренную реорганизацию «Современника» осуществлена была В. Ф. Одоевским и А. А. Краевским 16 августа 1836 г. подачей министру народного просвещения и начальнику Главного управления цензуры С. С. Уварову особой докладной «Записки об издании книги под названием Русский сборник». Записка эта уточняет, однако, не только дату письма, посвященного проекту делового соглашения о будущем «Современника»; она свидетельствует и о том, что Пушкин не принял предложенных ему условий.

Самый план организации Одоевским и Краевским большого журнала энциклопедического типа, который мог бы, учитывая опыт «Библиотеки для чтения», успешно с нею конкурировать в деле завоевания массового читателя, не являлся для Пушкина новостью¹. Больше того, великий поэт сам деятельно участвовал в обсуждении проектов этого издания осенью 1835 г. (XVI, 28) и обещал, видимо, его инициаторам свое монопольное участие на тех же, примерно, условиях, которые положены были в основу его соглашения с О. И. Сенковским и А. Ф. Смирдиным при организации «Библиотеки

* особенного — вписано позднее.

** Переправлено из: уменьшится издержка

*** Итог этот повторен в последней строке после цифры 23 600 и зачеркнут.

для чтения». Однако отсутствие денежных средств для создания прочной материальной и технической базы будущего издания не позволило приступить к его реализации ни в 1835, ни в 1836 г. Поэтому, вероятно, и Пушкин, не рассчитывая на «Северный зритель», вынужден был 31 декабря 1835 г. обратиться к царю через Бенкендорфа с просьбой о разрешении ему «в следующем, 1836, году издать 4 тома статей чисто литературных (как-то: повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных *Reviews*» (XVI, 69). Характерно, что Пушкин в своем письме не пользуется еще термином «журнал», ничего не говорит о его названии, а, самое главное, ограничивает будущее издание рамками одного лишь 1836 г. Первая печатная информация о «Современнике», сделанная, очевидно, со слов самого Пушкина, была исключительно лаконична: «Александр Сергеевич Пушкин, в нынешнем 1836 году, будет издавать литературный журнал под названием: „Современник“»². Неудивительно поэтому, что недели две спустя после объявления о подписке на «Современник» один из ближайших его сотрудников, В. Ф. Одоевский, писал С. П. Шевыреву: «Краевский думает с 1837 года издавать большой Энциклопедический журнал (но это секрет) — и „Наблюдатель“ хорошо бы сделал, если бы к нам присоединился. Мы вам доставим нашу программу и наши условия»³. После того как программа будущего журнала была получена и обсуждена московскими друзьями Одоевского и Краевского, В. П. Андросов 4 марта 1836 г. писал последнему: «Секрет ваш я принял к сердцу. Дай бог, чтобы ваша затея не походила на многое другое на нашей святой Руси... На „Современник“ вам надеяться не должно.—Если „Современник“ будет хорош и пойдет удачно, т. е. выгодно, то едва ли Пушкин выпустит его из рук; если же обманет общие ожидания, то такое приготовление почвы будет для вас не прибыльно. Мой опытный совет — не надеяться ни на кого, заготовить самим или приготовить бедную трудящуюся молодежь»⁴.

Советы В. П. Андросова пригодились. Печатаемое в настоящем томе письмо Краевского к И. М. Снегиреву от 3 апреля 1836 г. (см. стр. 121—122) представляло собою широко развернутую программу «Северного зрителя» и ни одним словом не касалось «Современника», первый том которого должен был выйти в свет через несколько дней.

Первая книга «Современника» выпущена была Пушкиным в свет при ближайшем участии Гоголя, взявшего на себя все редакционно-технические и типографские хлопоты по изданию⁵. При комплектовании и печатании второй книги функции Гоголя перешли к Одоевскому и Краевскому, участие которых в «Современнике» было особенно деятельным во время пребывания Пушкина в первой половине мая 1836 г. в Москве (XVI, 107, 114, 117).

Поездка Пушкина в Москву, основной целью которой было расширение общественно-литературных связей и укрепление материальной базы журнала, не привела к положительным результатам. «Современник», замалчиваемый или дискредитируемый в петербургских газетах и журналах, не встретил сочувствия ни в Москве, ни в широких кругах провинциальных читателей. Как журнал чисто литературный и выходящий притом только четыре раза в год, «Современник» мог рассчитывать на успех лишь в сравнительно узком кругу передовой интеллигенции, но и последняя, горячо откликнувшись на первую книжку журнала, отрицательно реагировала на альманашный характер второй книги и на салонно-академическое толкование в ней сотрудниками Пушкина самых актуальных общественно-политических и литературно-философских проблем. (См. статьи Белинского о «Современнике» в «Молве» от 30 апреля и 3 августа 1836 г.) Критики «Современника» не располагали сведениями о том, что сам Пушкин еще не мог вплотную заняться своим журналом, а наиболее значительные и актуальные произведения, намеченные для журнала, не доходили до читателя, оставаясь в портфеле редакции или в цензурном комитете. Журнал Пушкина состоял на особом учете не только в Главном управлении цензуры, но и в III Отделении: «Тяжело, нечего сказать, — писал Пушкин в августе 1836 г. Д. В. Давыдову, — с одною цензурою напляшешься; каково же зависеть от целых четырех? Не знаю, чем провинились русские писатели <...> Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче» (XVI, 160).

Чем больше втягивался Пушкин в практическую работу журналиста, тем явственнее обозначалась пропасть, отделявшая его от идеологов крепостнической государственности, тем резче определялись его ненависть и презрение к ним. Самым большим врагом Пушкина и его журнала был министр народного просвещения, начальник Главного управления цензуры и президент Академии Наук С. С. Уваров. Выдвинувшийся в первые ряды николаевской администрации благодаря своей близости к Бенкендорфу⁶, Уваров в докладной записке от 4 декабря 1832 г. о деятельности Министерства народного просвещения прокламировал «православие, самодержавие и народность» как «истинно-русские охранительные начала», подлежащие закреплению во всех областях идеологической работы. Утверждая в этой же своей записке, что «в нынешнем положении вещей и умов нельзя не умножать, где только можно, умственных плотин», Уваров в 1835 г., как свидетельствует А. В. Никитенко, еще более откровенно определил свою политическую миссию: «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»⁷.

Певец разума и свободы, автор «Медного всадника» и «Истории Пугачева», Пушкин был, конечно, глубоко ненавистен Уварову и много терпел от его сателлитов. В свою очередь, однако, и Пушкин немало сделал для дискредитации всеильного министра, публично заклеив его в сатире «На выздоровление Лукулла». Против Уварова и его фаворита Дондукова-Корсакова направлена была и знаменитая эпиграмма Пушкина «В Академии наук заседает князь Дундук». Таким образом, приступая к изданию своего журнала, Пушкин не имел никаких оснований рассчитывать на то, что его политические враги не сведут с ним заодно и личные счеы: Уваров был начальником Главного управления цензуры, а Дондуков-Корсаков — председателем Петербургского цензурного комитета. Силы противников были настолько неравными в этой борьбе, что на долговечность «Современника» не надеялись даже ближайшие его сотрудники. Они уверены были в том, что Пушкин или вовсе откажется от продолжения «Современника» в следующем году или вынужден будет пойти на коренную его реорганизацию.

Потребность в реорганизации «Современника» диктовалась, однако, не только причинами материального или тактического порядка. Тотчас же после выхода в свет первой книжки журнала определилась неудовлетворенность Пушкина той платформой прогрессивного литературного фронта, задачи которого сформулированы были в статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и вполне отвечали интересам как старых литературных друзей Пушкина (Жуковский, Вяземский, Плетнев), так и молодых сотрудников «Современника», враждебных «Библиотеке для чтения» и «Северной пчеле». Еще более болезненно воспринято было всем окружением Пушкина его решительное отчуждение после поездки в 1836 г. в Москву от той литературно-общественной группировки, лидеров которой некоторое время и сам он ошибочно рассматривал как своих, если не единомышленников, то союзников. Мы имеем в виду журнал «Московский наблюдатель», объединявший в эту пору Шевырева, Погодина, Андросова, Баратынского, Киреевских, Хомякова, Языкова, Павлова и других литераторов, в оценке позиции которых Пушкин неожиданно сошелся не с своими товарищами по работе в «Современнике», а с Белинским, громившим «Московский наблюдатель» за его реакционную апологию салонной дворянской культуры, за его идеализацию докапиталистических форм политической и экономической жизни, за его презрение к демократии, за его мессианистическую философию, за его фальшиво-претенциозный православный пиетизм, за его антинародную эстетику. Не случайно в «Современнике» не нашлось места для статей Шевырева, Погодина, Андросова, в то время как именно с этими литераторами Одоевский и Краевский сговаривались за спиной Пушкина о создании нового журнала.

Если Краевского прежде всего возмущала бесхозяйственность Пушкина, его неумение организовать распространение издания и наладить правильные отношения с нужными для журнала людьми⁸, то у Одоевского были гораздо более серьезные основания для недовольства Пушкиным. Так, например, несмотря на высокую оценку его участия в «типографических хлопотах» по «Современнику» (XVI, 93, 107, 114), Пушкин не очень дорожил им как автором и консультантом, не раз отклонял предлагаемые им

публикации (XVI, 100, 210, 211) или откладывал их из номера в номер (XVI, 100. Ср. «Современник», 1836, т. III, стр. 48—53). В свою очередь, и Одоевский не мог быть на стороне Пушкина ни в его борьбе с Уваровым, ни в его спорах с сотрудниками «Наблюдателя», а «Современник» он уже в середине 1836 г. открыто называл неудавшимся и даже «дурным журналом»⁹.

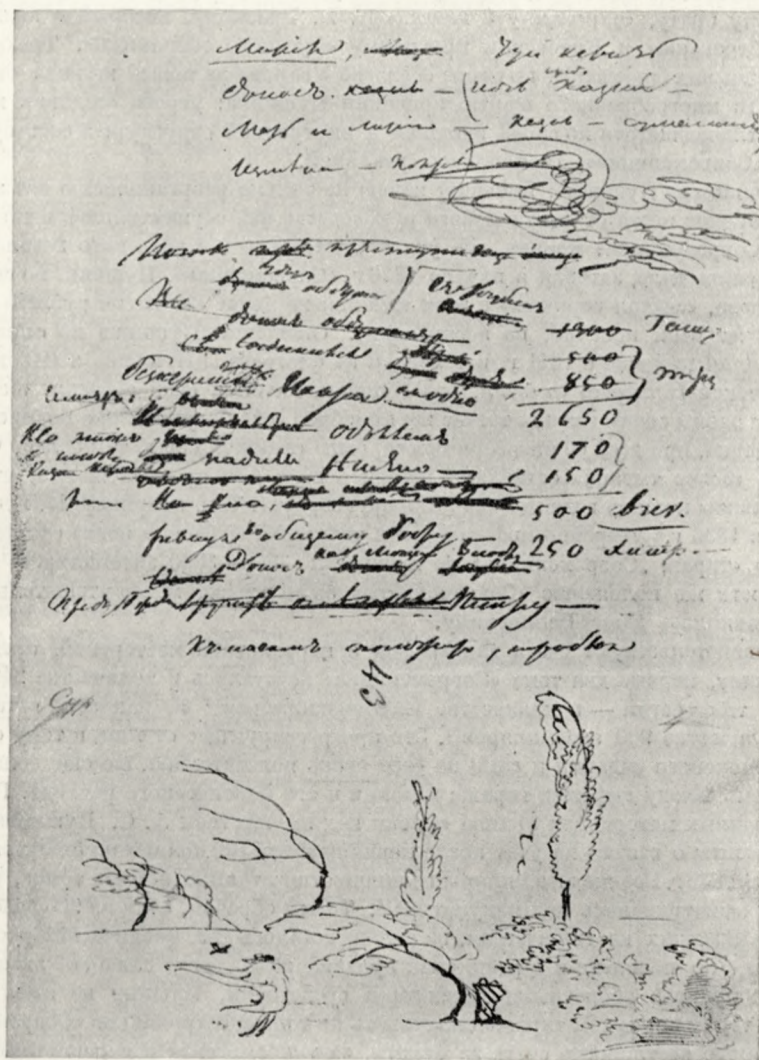

РИСУНОК ПУШКИНА НА ПОЛЯХ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ ПОЭМЫ «ПОЛТАВА», 1828 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Переговоры Одоевского и Краевского о замене или реорганизации «Современника» вступили в новую фазу после того, как их планы получили покровителя в лице самого Уварова. И Одоевский, и Краевский являлись чиновниками его министерства. Первый из них работал в Комитете иностранной цензуры, а второй состоял помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения». Поняв, что реализацией нового журнала будет нанесен самый сильный удар «Современнику», и притом не извне, а изнутри, министр потребовал, однако, внесения в проект «Северного зрителя» некоторых изменений, гарантировавших, на его взгляд, согласие царя на новое издание.

Под воздействием Уварова Одоевскому и Краевскому пришлось перестроить задуманный ими большой журнал на трехмесячник под названием «Русский сборник».

Издание это проектировалось при деятельном участии Б. А. Враского, чиновника III Отделения и владельца типографии, в которой печатался «Современник». Не имея права, по роду своей службы, быть официальным редактором журнала, Враский поручает представительство своих интересов в редакции «Русского сборника» своему двоюродному брату, «чиновнику 8 класса» А. В. Враскому, который и подписывает вместе с Одоевским и Краевским программу «Русского сборника»¹⁰. Трехмесячник не сулил больших барышей¹¹, но самое согласие Уварова на новый журнал открывало возможности многообразного пантажирования Пушкина: угроза создания журнала, почти не отличающегося по своей внешней и внутренней структуре и составу сотрудников от «Современника», становилась реальной.

Этот нажим на Пушкина, имевший целью не только реорганизацию его журнала, но и отстранение поэта от фактического руководства им, осуществлялся в такой тяжелой для «Современника» момент, что успех Одоевского и Краевского казался несомненным. В самом деле, затеявая в начале 1836 г. «Современник», Пушкин, по свидетельству Плетнева, «считал верными» в этом издании не менее «25 тысяч рублей» годового дохода¹² (счет был, конечно, на ассигнации). Ожидания Пушкина не оправдались. Правда, Белинский еще в 1841 г. в рецензии на биографию Пушкина в «Портретной и библиографической галлерее» отметил, что Пушкин, начиная свой журнал, «без всякой программы одним своим именем тотчас же приобрел себе более тысячи подписчиков»¹³. Но эта справка, при всей ее категоричности, была слишком обща, тем более, что слова «тотчас» и «более тысячи» оставляли широкое поле для предположений, что тираж «Современника» к концу года мог значительно возрасти. Так, например, М. Гус в статье «Пушкин в 1836 г.» уверенно информировал читателей «Красной нови» сто лет спустя о том, что «тираж „Современника“ не превышал 2000—3000 экземпляров»¹⁴. В действительности же положение «Современника» было гораздо менее утешительным, чем это представлялось даже Белинскому.

Как свидетельствуют счета типографии и переплетной мастерской, представленные Пушкину, первые два тома «Современника» печатались в количестве 2400 экземпляров¹⁵, том третий — в количестве 1200 экземпляров¹⁶ и, наконец, четвертый — всего в количестве 900 экземпляров¹⁷. Это прогрессирующее от тома к тому снижение тиража подписного издания и само по себе очень показательны. Но еще более характерен разрыв между цифрами тиража издания и его фактического расхода. В недавно опубликованных материалах архива «Опеки над имуществом А. С. Пушкина» оказались документы о взятии на учет после кончины поэта 109 полных комплектов «Современника» за 1836 г. Все же экземпляры излишне отпечатанных первых томов, не попав в опись, рассматривались как макулатура¹⁸. Таким образом, если из 900 экземпляров IV тома, вышедших из типографии, на складе осталось 109, фактический расход «Современника» по подписке и в розничной продаже не достигал даже 800 экземпляров.

Не располагая оборотными денежными средствами, Пушкин не имел возможности при таком скромном тираже оплачивать не только сотрудников «Современника», но даже самые неотложные счета за бумагу, за типографские и переплетные работы. Долговые обязательства по изданию журнала росли изо дня в день, подрывая и без того тяжелое материальное положение поэта. Для выхода из финансового тупика Пушкин вынужден был 8 августа 1836 г. пойти на заем 7000 р. у ростовщика Шишкина под залог шалей, жемчуга и столового серебра¹⁹. Характерно, что когда какие-то слухи о возможности реорганизации «Современника» дошли до такого ловкого и осведомленного журнального предпринимателя, как А. Ф. Воейков, он в письме к Краевскому от 29 августа 1836 г. не выражал никаких сомнений в том, что Пушкин пойдет на любое соглашение с Одоевским и Краевским для спасения «Современника», «не имеющего, — как он замечал, — и полутораста иногородних подписчиков»²⁰.

Как же реагировал Пушкин на предложенные ему условия? Материальная их сторона не могла вызвать с его стороны никаких возражений, особенно после неудачного опыта его единоличного руководства изданием. Не мог протестовать Пушкин и против освобождения его от «всех хозяйственных хлопот» по журналу. Но совер-

шенно неприемлемо для Пушкина разрешался его будущими товарищами по работе вопрос о его участии в редактировании всего того материала, который не входил в «чисто литературную часть» журнала. В печатаемом нами письме Одоевского и Краевского этот пункт условий формулирован был на первый взгляд весьма деликатно: «Александру Сергеевичу взять на себя выбор статей, суд над книгами по чисто литературной части; нам же все сие вполне предоставить по чисто ученой части». Что же входило в «чисто литературную часть» журнала и что называлось в нем «ученой частью»? Четкий ответ на этот вопрос давал детально разработанный в этих разделах план «Русского сборника», согласно которому предстояло перестроиться и «Современнику». В литературную часть «Русского сборника» входили стихотворения и художественная проза. В разделе же «науки» должны были печататься «статьи по всем без исключения отраслям человеческого ведения, изложенные языком общепонятным». При отсутствии специального общественно-политического отдела в рубрику «науки» должны были войти все статьи по русской и мировой истории, статьи политико-экономические, статьи по всем разделам философии, статистические обзоры и т. п. Специальная оговорка в письме Одоевского и Краевского: «мы желаем быть полными хозяевами лишь в ученой части» (как характерно это «лишь»!) — не оставляла никаких сомнений в том, что Пушкин отстранялся от контроля за общественно-политической частью издания. Это отстранение было глубоко продуманной тактической операцией; этим покушалось благосклонное отношение к будущему журналу и III Отделения, и Главного управления цензуры, и Министерства народного просвещения. Недаром в записке об издании «Русского сборника» его инициаторы просили Уварова принять их журнал «под особенное покровительство и давать ему по временам направление, как изданию, назначаемому действовать в духе благих попечений правительства о просвещении в России, изданию бескорыстному, чуждому неблагонамеренных расчетов, а тем менее каких-либо сторонних несогласных с духом правительства видов»²¹.

Таким образом, именем Пушкина Одоевский и Краевский рассчитывали прикрыть официальный характер будущего «Современника», а гарантией 25 тысяч в год за участие в журнале купить его безоговорочную капитуляцию перед Уваровым.

Разумеется, Пушкин отверг эти условия. Он ответил на них прежде всего усилением своей работы для «Современника», чтобы сделать этот журнал достойным своего имени. К августу 1836 г. относятся статьи Пушкина «Джон Теннер», «Вольтер», «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности». В то же время (около 14 августа) он заканчивает свое замечательное «Письмо к издателю», в котором впервые дает определение литературно-политического курса «Современника». В это письмо Пушкин включает блестящую характеристику молодого Белинского и своим демонстративным приветом автору статей «Литературные мечтания», «О русской повести и повестях Гоголя», «Стихотворения В. Венедиктова», «Ничто о ничем», «О критике и литературных мнениях Московского наблюдателя» — отмежевывается от его врагов даже в кругу ближайших сотрудников «Современника». Перед Пушкиным встает вопрос о союзе с Белинским²². Ни Одоевский, ни Краевский в этих условиях его журналу были не нужны. Им же ничего больше не оставалось, как уйти из «Современника», передав Уварову все материалы, необходимые для утверждения их в правах редакторов-издателей «Русского сборника». И лишь циническая резолюция Николай I: «И без того много», положенная 16 сентября 1836 г. на докладной записке Уварова о желательности разрешения издания «Русского сборника», — избавила Одоевского и Краевского от противопоставления «Современнику» Пушкина затеянного ими репутительного органа²³.

Ю. Оксман

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материалы об организации «Северного зрителя» и «Русского сборника» см. в статье: А. М о г и л я н с к и й, А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок». — «Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии», 1949, № 3, стр. 209—214.

² «Северная пчела», 1836 № 27 от 3 февраля. (Разрядка наша.)

³ А. М о г и л я н с к и й. Ук. статья, стр. 214.

⁴ ГПБ. Архив Краевского, т. А, лл. 270—272.

⁵ «Атеней», 1924, кн. I-II, стр. 15—17.

⁶ «Русский архив», 1885, № 3, стр. 366—376. О тесном контакте Уварова с руководителями III Отделения см. также в кн.: М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., изд. 2. СПб., 1909, стр. 82—85, 425, 443—447.

⁷ А. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1904, стр. 267. Ср. письмо П. А. Вяземского от 24 мая 1832 г.: «По вездешним слухам Уваров всплыл на воду и попал в товарищи министра составлением mémoire против освобождения крестьян, который он поднес государю. От Уварова все станется» («Звенья», IX, 1951, стр. 370).

⁸ Позиция Краевского в «Современнике» определяется его высказываниями, опубликованными в журн. «Русская старина», 1889, № 9, стр. 709—710; там же, 1904, т. 118, стр. 570; «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 716—717.

⁹ «Русский архив», 1864, стб. 1021 (статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», предназначавшаяся к печати в 1836 г.). В четвертой книжке «Современника» В. Ф. Одоевский уже не участвовал, а статья его «Как пишутся у нас романы», напечатанная в книжке третьей, в портфеле Пушкина была еще с весны 1836 г. (XVI, 100). О невозможности для Одоевского сотрудничать в «Современнике» после истории с «Русским сборником» свидетельствует его письмо от 28 сентября 1836 г. к Шевыреву: «Мне Волконский рассказывает, что вы, господа, хотите прекратить издание „Наблюдателя“. Бога ради, не делайте этого; я хотел издавать журнал, но мне не позволили, следовательно все мои труды, приготавливавшиеся для моего журнала, пойдут к вам и я буду прилежно трудиться. Издавайте только аккуратнее — за успех можно ручаться. „Наблюдатель“ входит в моду. Если вы прекратите его, тогда в нашей литературе некуда плонуть будет. Возьмите меня в пайщики вашего журнала, и я вам обещаю много сотрудничать. Или же переведите ваш „Наблюдатель“ сюда; в Петербург, или будемте издавать пополам — одну книжку вы, другую мы, или же одну часть вы, а другую мы». (Письмо это опубликовано А. П. Могиланским, укаа. соч., стр. 220.) Не добившись соглашения с «Московским наблюдателем», Одоевский деятельно участвует в реорганизации «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», взятых в аренду Краевским с 1 января 1837 г. Охлаждение отношений Пушкина с его недавними сотрудниками не было тайною для ближайших друзей поэта. Так, М. Л. Яковлев, рекомендуя Пушкину 15 января 1837 г. своего племянника Л. А. Якубовича как дельного редакционно-технического работника, писал: «Завербовали его покамест Краевский с братею, да кажется хотяг его надуть; и не велят даже и подписываться в статьях прозаических. По-моему уж если работать за деньги, так уж лучше для „Современника“, нежели для „Инвалида“» («Лит. архив», М.—Л., 1938, стр. 30).

¹⁰ Как влиятельного сотрудника III Отделения Врасского характеризует Погодин (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III, 1890, стр. 344). Ср. А. Могиланский. Ук. статья, стр. 219; «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 252.

¹¹ Компромиссный характер «Русского сборника» уясняется материалами переписки В. П. Андросова с А. А. Краевским в «Ученых записках Ленингр. гос. университета», вып. 2, 1941, стр. 33—34.

¹² «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, 1896, стр. 294.

¹³ «Отч. записки», 1841, № 2, отд. VI, стр. 77. Ср. В. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. СПб., 1901, стр. 529.

¹⁴ «Красная новь», 1936, № 11, стр. 132.

¹⁵ «Литературный архив», т. I. М.—Л., 1938, стр. 24 и 27.

¹⁶ «Прожектор», 1929, № 11, от 17 марта, стр. 22.

¹⁷ «Пушкин и его современники», вып. XIII, СПб., 1910, стр. 97 и 105.

¹⁸ «Архив опеки Пушкина». М., 1939, стр. 117.

¹⁹ «Пушкин и его современники», вып. XIII, стр. 98.

²⁰ «Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 г.». СПб., 1894, прилож., стр. 3.

²¹ А. Могиланский. Ук. статья, стр. 218.

Ошибочное представление о том, что проект «Современника» Одоевского и Краевского якобы «отвечал интересам Пушкина», получило выражение в докладе В. В. Ерофеева о «Современнике» на Третьей пушкинской конференции в июне 1951 г. («Известия Отделения литературы и языка Академии Наук СССР», 1951, № 5, стр. 522). Полагая почему-то, что Одоевский и Краевский в этой операции (одобренной Уваровым и Бенкендорфом!) являлись «представителями растущего в русском обществе либерализма», Ерофеев не понял литературного и политического смысла печатаемого выше письма.

²² Об этом см. «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 233—235.

²³ Публикуемое нами письмо Одоевского и Краевского к Пушкину, формулируя условия только одной из договаривающихся сторон, никак нельзя толковать как проект некоего двустороннего договора, хотя бы и черногового. Это не деловой документ, а письмо. Эпистолярный характер обращения к Пушкину подтверждается не только подписями Одоевского и Краевского, но и шутиливой сентенцией о «высоких договаривающихся сторонах», невозможной, разумеется, в деловом документе.